

НАСТРОЕНИЯ

Минувшая недѣля была недѣлюю сильных настроеній.

Рѣчи, раздававшіяся въ государственной думѣ, были отголоскомъ глубокаго напряженія, испытываемаго не только политическими партіями, но и широкими общественными слоями.

Возбужденныя сочувствія, проявленныя многотысячными толпами при прощаніи съ безвременно погибшимъ талантомъ В. О. Коммиссаржевской, указали на неутраченную обществомъ живую связь съ работающими на пивѣ родного искусства.

Общество не замерло, общество продолжаетъ мыслить и чувствовать.

Мы не ошиблись, предполагая, что бюджетныя пренія внесутъ въ государственную думу чрезвычайное оживленіе. Но эти пренія оказались кромѣ того въ высокой степени содержательными.

Если ожиданія, обращенныя къ думѣ, помѣщаются больше въ области слова, чѣмъ въ области дѣла, то надо отдать справедливость думскимъ ораторамъ: они этимъ ожиданіямъ удовлетворили. Рѣчи гг. Караулова, Шингарева и Маклакова можно назвать самыми сильными изъ всѣхъ, какія слышались въ Таврическаго дворца въ нынѣшнюю сессію.

Ораторы не проявили чрезмѣрной страстности—но тѣмъ лучше.

Страстность озаряетъ политическій темпераментъ, но не политическій разумъ. Страстность бываетъ и бездоказательна, и подозрительна. Ея сомнительныя лавры съдуютъ уступить партійнымъ изувѣрамъ, обрацающимъ общественное дѣло въ азартную игру.

Наша накопляющаяся зрѣлость проявилась замѣтнымъ образомъ въ преніяхъ минувшей недѣли. Свободное депутатское слово звучало дѣловой силою убѣдительности. Оно дало многостороннюю и умѣло сосредоточенную оцѣнку тѣхъ важнѣйшихъ сторонъ нашей дѣйствительности, передъ которыми общество наиболѣе недоумѣваетъ.

Повторяемъ, въ области слова дума показала себя на высотѣ положенія. Показала, что «говорить» въ ней во всякомъ случаѣ умѣютъ.

Думаемъ, что даже выходящая изъ всѣхъ нормъ рѣчь г. Маркова 2 не нарушила общаго впечатлѣнія. Неукротимый курскій депутатъ хотѣлъ, конечно, опрокинуть все сказанное раньше него, но его озлобленный выпадъ только отбѣнилъ дѣловую содержательность спокойныхъ, уравновѣшенныхъ рѣчей предыдущихъ ораторовъ. Никто еще изъ крайнихъ правыхъ не обнажалъ съ такою откровенностью своего безцѣльнаго озлобленія и капризной истеричности, какъ

г. Марковъ 2. Довольно указать на ненависть, съ какою онъ говорилъ о г. Толстомъ. Для чего это пужно было? кого могли увлечь брачныя выходки противъ всѣмъ чтимаго писателя? Ясно, что ораторъ просто поддался чувству злобы, не заботясь о томъ, какое впечатлѣніе онъ произведетъ.

Еще вначалѣ бюджетныхъ преній проф. Алексѣенко высказалъ увѣренность, что эти пренія будутъ использованы общественнымъ мнѣніемъ. Полагаемъ, что общественное мнѣніе используетъ также и выходки г. Маркова 2, неосторожно изобличившаго истинный смыслъ крайне-правыхъ настроеній.

Они ненавидятъ... Но кого же можно взять ненавистью?

Въ этой обнажившейся скудости содержанія «непримиримыхъ» нельзя не предвидѣть болѣе или менѣе близкаго конца ихъ политической влѣятельности. Безмѣрность ихъ притязаній, рядомъ съ ихъ дѣловымъ малосиліемъ, утомили общество. Общественный умъ все болѣе проникается сознаніемъ, что жизнь не можетъ направляться по крайнимъ линіямъ. Среднія теченія видимо ищутъ сближенія, чтобы создать устойчивый центръ—если не въ раздираемой фракціями думѣ, то въ настроеніяхъ интеллигентныхъ круговъ.

— Вы ненавидите, вы злобствуете?—спрашиваетъ обыватель.—Хорошо. Но можно ненавидѣть и злобствовать сильнѣе васъ. И въ концѣ концовъ, что же дастъ эта злоба, эта ненависть?

За послѣдніе годы все движеніе нашей жизни измѣрилось главнымъ образомъ накопленіемъ злобы. И какіе же проценты дастъ этотъ тщательно приумножаемый капиталъ?

Утомленному обывателю гораздо болѣе близки тѣ настроенія, какія вызвала безвременная смерть В. О. Коммиссаржевской. Многотысячная толпа, благоговѣнно отдающая свою признательную дань памяти высоко-даровитой артистки, гораздо болѣе проникнута дѣйствительною силою и смысломъ жизни, чѣмъ та же толпа, волнующая яростными проявленіями политическаго изувѣрства. Потому что жизнь есть согласіе, и ничто не даетъ обществу такихъ властныхъ элементовъ согласія, какъ область національнаго искусства, и въ особенности самаго общедоступнаго, самаго непосредственнаго для толпы—сценическаго.

Прелестный талантъ Коммиссаржевской расцвѣлъ въ трудную эпоху перелома, возбужденныхъ исканій, судорожныхъ движеній. Ей выпало на долю принять участіе въ этихъ художественныхъ судорогахъ и даже отчасти пострадать въ нихъ. Можетъ быть оттого такой чуткій нервъ и связалъ съ нею молодое поколѣніе...

Талантъ Коммиссаржевской достигъ полнаго проявленія въ роляхъ стараго репертуара. Она была поистинѣ превосходна въ «Безирядницѣ» Островскаго, въ «Накипи» г. Боборыкина. Но въ ней жила душа исканія и мучина, ее беспокоило и властно влекло предчувствіе какихъ-то новыхъ путей въ искусствѣ. Она бросилась въ «стилизацию», гдѣ ея таланту совсѣмъ не было простора, и ушла оттуда въ новыя исканія—можетъ быть для того, чтобы вернуться съ богатыми пріобрѣтеніями къ старому источнику сценическихъ вдохновеній.

Какая невознаградимая утрата для русскаго искусства—эта роковая развязка на неоконченномъ артистическомъ пути, можетъ быть въ самомъ важномъ и интересномъ его моментѣ!

В. Авѣенко